

РЕФОРМЫ ДАВНО УЖЕ НАЗРЕЛИ...

На вопросы журнала "Встреча" отвечают преподаватели Московских Духовных школ

1. Насколько своевременна готовящаяся реформа духовного образования? Нужна ли она вообще, и что она должна изменить?

Доцент МДА священник Максим Козлов. Слово

реформа, конечно же, вызывает аллергию у всякого трезвомыслящего православного человека и, вообще, почти у всякого современного человека. О реформе нам говорят последние лет десять, и до чего реформаторы довели, в глобальном смысле этого слова, наше отечество, и что или кто ассоциируется со словом реформатор применительно к церковной жизни, я думаю, ясно каждому

из нас. Тем не менее реформа Духовной школы необходима, хотя это, конечно, совсем не означает реформу в современном смысле этого слова.

Реформа нынешняя не означает того, что мы утверждаем, что прежняя Духовная школа, такая, какой она была 5 или 25 лет назад, была нехороша. Это не так. Реформа означает, что с изменением внешних условий жизни Церкви и, соответственно, жизни Духовных школ, с возникновением новых реалий и новых вопросов на которые должен давать ответ священник, все это должно найти отражение в соответствующих планах и программах Духовных Семинарий и Духовных Академий. Но это именно дополнение, преобразование, изменение существующего — с опорой на все то лучшее, что в Духовной школе есть.

К этому лучшему я, прежде всего, отношу ее традиционность и стабильность, которые позволяют, скажем, нашим Московским Духовным школам, что бы ни происходило во внешнем мире, жить с некой уверенностью в том, что они выстоят, в том, что вызов, бросаемый внешним миром, будет принят. И вот эта традиционность и стабильность — это главная наша опора. Всякая церковная реформа, и реформа духовного образования в частности, наверное, должна проводиться с памятованием слов святителя Филарета Московского о том, что "важно не колебать того, что прочно стоит, с тем чтобы перестроение не обратило в разрушение".

Доцент МДА Н.К. Гаврюшин. Думаю, что реформа духовного образования может определяться двумя обстоятельствами: либо изменениями цели этого образования, либо изменением условий, в которых осуществляется преследование уже сформулированных целей.

В настоящее время об изменении целей образования как будто бы не говорит никто, и вопрос о реформе сводится, по-видимому, в первую очередь, к тому, что прежде сформулированные или подразумевавшиеся цели духовного образования предполагается реализовать в новых социальных условиях. Социальные условия очевидным образом стали меняться уже в конце восьмидесятых годов, и о необходимости реформы образования мне приходилось говорить еще в "Московском церковном вестнике" в 1990 году. Полагаю, что социальные условия находятся сейчас в стадии настолько постоянных изменений, что какой-то один законченный проект реформы духовного образования в целом осуществить вряд ли возможно. Исходя из этого, мне кажется, что реформу духовного образования следовало бы начать с осознания целей, которые это образование преследует, но это возможно только в результате глубокой исторической рефлексии.

сии и богословского осмысления места Духовной школы в церковной жизни.

Мне представляется, что на сегодняшний день у нас скорее срабатывают стереотипы установления тех образовательных форм, которые сложились в дореволюционный период и которые уже тогда подвергались критике в церковной среде. В то же время я вижу, что сегодня мы еще недостаточно подготовлены,

чтобы осуществить такую непредвзятую, исторически обоснованную и богословски взвешенную оценку роли образования в церковной жизни...

Доцент МДА А.И. Сидоров. В определенном смысле всякие реформы никогда не "своевременны", ибо любая реформа — ломка чего-то устоявшегося, своего рода хирургическая операция. Сам я по натуре человек очень консервативный и не люблю никаких "ломок", всегда психологически для меня очень болезненных. Но стараюсь всегда осознавать и трезво оценивать реальную ситуацию. Поэтому, если честно признаться, как преподаватель Московских Духовных школ, уже более десяти лет подвизающийся в их стенах, я свыкся с ритмом их жизни и не очень хотел бы что-либо менять в нем, если только нет на то Божией воли. Однако в то же время я

отчетливо вижу, что реформы давно уже назрели, ибо существенным образом изменились как внешние, так и внутренние обстоятельства бытия наших Духовных школ. Во-первых, так сказать, "монополия на духовное образование", в рамках которой они существовали, сейчас закончилась. Появились "конкуренты", в первую очередь, Свято-Тихоновский Богословский институт и Православный университет святого Апостола Иоанна Богослова, где я также преподаю. Данная конкуренция пока, словно в условиях "дикого капитализма", носит еще сумбурный характер, но, думается, что скоро каждое из названных православных высших учебных заведений найдет свою "экологическую нишу" и конкуренция обретет достаточно "цивилизованную форму". Тем не менее она останется. Хотелось бы надеяться, что эта конкуренция превратится в доброе соперничество, ибо все тружущиеся в указанных учебных заведениях делают одно общее дело — служат по мере своих сил Богу, только каждый исполняет свое служение особым образом. Во-вторых, Московские Духовные школы создавались (или, точнее, воссоздавались) в условиях официального атеизма, когда на них смотрели, словно на "православное гетто". Это в ряде моментов определило в них строй жизни, психологический настрой преподавателей и студентов, построение курсов лекций и т.д. Сейчас, как известно, многое изменилось в нашей стране, хотя благодушеествовать, конечно, непозволительно, ибо атеизм отнюдь не исчез совсем, а лишь сменил личину, не теряя своей антиправославной сущности.

Указанные обстоятельства, на мой взгляд, заставляют многое изменить в Московских школах. Как я думаю, при подобных изменениях следует придерживаться главного принципа: сохранять дух традиций этой школы, отказываясь от некоторых уже "обветшавших букв".

2. Не могли бы Вы выделить положительные и отрицательные моменты уже известных положений реформы?

Священник Максим Козлов. Положительного много. Реформа должна внести коррективы и в состав преподаваемых дисциплин, и в количество часов учебной нагрузки, которая отводится для каждой из этих дисциплин, и в методические основы преподавания. Первое, что бросается в глаза, — увеличение часов на изучение языков: древних и новых. Больше это касается Академии, но и Семинарии тоже. А также увеличение количества часов на изучение общих гуманитарных предметов, связанных со словесностью, культурой, философией, что необходимо в реалиях современной церковной жизни для каждого священника.

Кроме того, исключительно важно, что в Академии будет введена специализация, то есть образование будет идти с учетом направления: богословского, исторического, канонического, библейского, в которых желают подвизаться будущие преподаватели. Важно и то, что Академия объявлена таким учебным заведением, которое должно готовить не просто священников, но преподавателей Духовных школ и церковных работников высшей

квалификации. Очень важно и введение семинаров, которые позволяют студентам овладевать устной диалогической речью, совершенствовать свои диалектические способности, развивать риторические навыки и, наконец, привыкать к корректному оппонированию мыслям другого человека, даже тогда, когда он стоит на весьма не сходных с тобой позициях. Кроме того, семинары не позволят засиживаться студентам от зачета до экзамена, когда их можно слышать раз в полгода или же, напротив, слышать их весьма часто на уровне ни к чему не обязывающих комментариев или вопросов к профессору, носящих иронический и даже слегка провокационный характер. Делать это легко, и мы в студенческие годы этим увлекались, но не по этому надо судить о степени развитости студента.

Хорошо и то, что обучение в Академии разделяется на два этапа: трехлетний, после которого будет писаться кандидатская работа, и двухлетний, предполагающий возможность защиты магистерской после него, то есть полное высшее образование: магистратура или аспиран-

тура — это опять позволит делить обучающихся в соответствии с интересами и возможностями, реальной церковной нуждой на тех, кто потом будет трудиться в Семинариях, и тех, кто продолжит свою деятельность в высших духовных учебных заведениях нашей Церкви.

Что касается отрицательной стороны реформы, то это, скорее всего, опасения. С одной стороны, опасения, что не окажется достаточной экономической и кадровой основы для решительного и достаточно быстрого, а главное, повсеместного проведения этой реформы. В этом смысле получится по известной поговорке: “Хотели, как лучше, а вышло как всегда!” А с другой стороны, на местах, в провинции все это может увязнуть в обыкновенной косности.

Н.К. Гаврюшин. Мне известны далеко не все положения реформы, но из того, что я уже знаю, мне представляется положительным усиление роли философских дисциплин и языковой подготовки студентов, хотя окончательное суждение об этой программе должно, как мне кажется, определяться все-таки целями образовательного процесса с учетом последующей социальной роли, социального служения наших выпускников.

А.И. Сидоров. С конкретными разработками реформы я мало знаком, поскольку к ним меня непосредственно не привлекали. У меня есть своя концепция, суть которой состоит в том, что “цикличность” преподавае-

мых предметов в Семинарии и Академии явно исчерпала себя. Ее необходимо ломать. Семинария должна стать своего рода институтом, а Академия — как бы аспирантурой. Уже в Семинарии, начиная примерно с третьего или четвертого курса (при условии пятилетнего обучения), следует готовить будущих студентов Академии. Для этого, по моему мнению, необходимо всех наиболее способных и дисциплинированных семинаристов объединить в один класс, для которого целесообразно создать специфичную программу обучения с особым акцентом на языках. Естественно, что и послушания для этого класса должны быть особыми, так же, как и для студентов Академии. Думается, не следует здесь бояться “элитарности”, ибо то будет “элита труда и подвига”.

3. Можно ли уже сейчас предположить, насколько успешно будет проведена реформа и в какой степени она удовлетворит существующую потребность преобразований в Духовной школе?

Священник Максим Козлов. Для того чтобы реформа была успешно осуществлена, как видится мне, человеку, совершенно не причастному к административной деятельности, желательно решительное увеличение полномочий Учебного комитета по надзору, контролю и принятию решений в отношении всех провинциальных школ. Не так, чтобы решения Учебного комитета должны были переосмысливаться местным архиереем или утверждаться где-то выше. Если священноначалие доверяет Учебному комитету, то надо его снабдить соответствующими правами. Если это будет так, если мы сумеем жестко контролировать ситуацию и требовать выполнения принятых решений, то за прочее у меня нет оснований опасаться.

Вообще, реформа сделана добротнo. Трудились представители двух наших Академий, прежде всего, и тех Семинарий, которые желали видеть своих представителей в числе разработчиков этих реформ реально, а не номинально. Была проделана работа весьма интенсивная, тщательная, с учетом реалий нашей Духовной школы прошлого столетия, нынешней высшей светской школы в нашей стране и православных школ за рубежом. Самое главное — не начать теперь что-то переделывать, переосмысливать. Сейчас разработанный

план нужно принять к исполнению и постараться помочь осуществить его тем, кому это поручено.

Н.К. Гаврюшин. Я думаю, что сейчас довольно сложно предсказать, насколько успешно будет проведена реформа. Многое, возможно, произойдет вопреки уже намеченным проектам, ибо динамика нашей социальной жизни не располагает к спокойным экстраполяциям уже имеющихся данных.

А.И. Сидоров. Успех реформы зависит, в первую очередь, от ее финансирования. Кроме того, от “психологической перестройки” преподавателей и администрации. Для преподавателей важно главным образом не скользить из года в год по уже давно накатанным курсам, наводя скуку на студентов и на самих себя, а быть постоянно в движении, в поиске. Но такое движение и поиск, то есть подготовка новых курсов или постоянное совершенствование старых, их обновление, требует, безусловно, времени. При нынешней системе нагрузок преподавателей это труднодостижимо. Нормальная нагрузка преподавателей должна быть 2–3 лекции и 1–2 семинара в неделю.